

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.И. Садов

Мировоззрение П. Овидия Назона

Опубликовано:

Христианское чтение. 1888. № 7-8. С. 162-180.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

Мировоззрѣніе П. Овидія Назона.

Жизнь человеческого духа такъ сложна и содержаніе человеческого сознанія обыкновенно подвергается съ теченіемъ времени столь значительнымъ измѣненіямъ, что изучать внутренній міръ людей съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ можно лишь подѣ условіемъ обилія необходимаго біографическаго матеріала изъ всѣхъ періодовъ жизни изучаемаго лица. Исследователь римскихъ писателей съ этой стороны бываетъ часто поставленъ въ весьма затруднительное положеніе. Сравнительная скудость уцѣлѣвшихъ памятниковъ римской литературы представляетъ неодолимыя препятствія для изученія внутренняго міра большинства римскихъ авторовъ, и лишь немногіе изъ нихъ въ оставленныхъ ими и сохранившихся отъ нихъ до позднѣйшаго времени литературныхъ произведеніяхъ представляютъ достаточно матеріала для сужденія о томъ, во что они вѣровали, къ чему стремились, какими интересами жили и какими правилами руководились въ своей жизни.

Къ числу этихъ немногихъ писателей принадлежалъ и Овидій, прославленный поэтъ Августова времени и вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ самыхъ типичныхъ представителей современнаго ему римскаго образованнаго общества, одинъ изъ тѣхъ писателей, по сочиненіямъ которыхъ возсоздается вся исторія религіозно-нравственной жизни язычества предѣ Рождествомъ Христовымъ. Въ произведеніяхъ этого поэта, сохранившихся въ довольно полномъ видѣ, съ достаточной опредѣленностью выразились его воззрѣнія на боговъ и людей, на міръ и жизнь. При томъ Овидіевы творенія, время появленія которыхъ въ существенныхъ и общихъ чертахъ довольно хорошо извѣстно, даютъ возможность изучать религіозные и мо-

ральные взгляды поэта на протяжении почти всей его жизни, или по крайней мѣрѣ во всё тѣ главные періоды, на которые распадается его жизнь, именно въ періоды молодости, зрѣлости и преклоннаго возраста. Для изслѣдованія перваго періода жизни Овидія имѣются, въ качествѣ матеріала, его *carmina amatoria*, для втораго періода — *Metamorphoses* и *Fasti*, для третьяго — *Tristia*, *Epistolae ex Ponto*, *Ibis*.

I.

Первыя элегіи Овидія ¹⁾, изъ которыхъ нѣкоторыя, быть можетъ, вошли потомъ и въ существующій сборникъ его *Amorum*, были написаны поэтомъ, какъ видно изъ его автобіографіи, въ очень молодомъ возрастѣ ²⁾, когда онъ, вѣроятно, больше всего думалъ объ удовольствіяхъ и на жизнь смотрѣлъ по преимуществу съ точки зрѣнія наслажденія ³⁾. И всё вообще элегіи названнаго сборника были составлены Овидіемъ въ довольно молодые годы. Уже на основаніи этого обстоятельства, въ связи съ тѣмъ, что извѣстно о римской молодежи времени Августа, позволительно до-

¹⁾ Эти элегіи, какъ и вообще всё раннія произведенія поэта, приводятся въ предлагаемомъ очеркѣ по рецензіи *Merkellii* (1877). При объясненіи текста имѣются въ виду: комментированное изданіе *Ovidii operum omnium*, которое выпустилъ въ свѣтъ *Snippingius* (1702), комментированныя изданія раннихъ произведеній поэта, которыя по частямъ или въ полномъ видѣ выпустили *Daniel Crispinus Helvetius* (1727), *Loers* (1829—30), *Lindemann* (1859—67) и нѣкот. др., а также сборникъ избранныхъ элегій Овидія въ *Röm. Elegiker*, bearb. von *Schulze* (1884). Изъ прочихъ пособій принимаются въ соображеніе изслѣдованія: *P. Ovidii Nasonis vita etc., studio Masson* (1708); *P. Ovidius Naso, von Leutsch* (въ *Ersch und Gruber's Encykl. d. W. u. K.*, III Section, Band VIII); *Die sittliche Lebensanschauung des P. Ovidius Naso, von Reichart* (1867); *Untersuchungen zur Echtheitsfrage der Heroïden Ovid's, von Zingerle* (1878) и другія, указанныя въ примѣчаніяхъ.

²⁾ Точно опредѣлить возрастъ поэта въ эту пору едвали возможно. *Schulze*, въ примѣч. къ *Trist. IV, 10, 58*, полагаетъ, что Овидію было тогда около 20 лѣтъ отъ роду; *Leutsch*, с. 41, относить первые поэтическіе опыты Овидія къ 22 году его жизни. Сравн. данныя у *Masson pag. 72—73*, и *Marquardt, Das Privatleben d. R.*, II, 581.

³⁾ Срав. *Trist. IV, 10, 59—60. 65—67.*

гадываться, какъ въ эту пору могъ Овидій думать о богахъ и вообще каковы могли быть его религіозныя представленія. Анализъ элегій подтверждаетъ предположенія.

Собственно въ бытіе боговъ Овидій вѣрилъ; но его вѣра была вѣрою привычки, не имѣвшею твердаго основанія въ сознаніи и чувствѣ поэта. Оттого онъ нерѣдко, подъ влияніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствъ, высказывался о богахъ въ такихъ выраженіяхъ, какъ будто, на его взглядъ, боговъ и не существуетъ совсѣмъ или, по крайней мѣрѣ, ихъ бытіе, какъ могущественныхъ и благихъ существъ, сомнительно. Такъ, въ элегій на смерть Тибулла, составленной, вѣроятно, въ годъ смерти Тибулла и, быть можетъ, подъ впечатлѣніемъ ея, поэтъ говорилъ, что такіе факты, какъ безвременная кончина даже лучшихъ людей, невольно наводятъ его на мысль о небытіи боговъ ¹⁾, хотя эту мысль въ указанное время съ рѣшительностью онъ не высказывалъ ²⁾. „Вотъ и вѣрь въ существованіе боговъ“! — восклицалъ поэтъ въ другой элегій, припоминая оставшееся безнаказаннымъ клятвопреступленіе своей красавицы—подруги ³⁾. По всей вѣроятности, не раздумывая много о томъ, что онъ говоритъ, легкомысленный поэтъ любилъ изъ безнаказанности клятвопреступленія прямо выводилъ заключеніе, что боговъ нѣтъ; если же они и существуютъ, то никакъ не въ качествѣ всегда строгихъ блюстителей вѣрности. Поэтъ ставилъ дилемму: такъ какъ нарушеніе клятвы въ данномъ случаѣ осталось не отищеннымъ, то „или богъ есть одно только (пустое) имя, и страхъ предъ нимъ напрасенъ, и влияніе его на народы основано лишь на глупомъ легковѣрїи (толпѣ), — или, если богъ существуетъ, то онъ любитъ нѣжныхъ дѣвушекъ и предоставляетъ имъ, и только имъ однимъ, слишкомъ большую власть“ ⁴⁾. Тонъ, въ которомъ ведутся такіа рѣчи, показываетъ, что самый даже вопросъ о существованіи боговъ былъ для Овидія по временамъ довольно безразличенъ. Мненъ (по крайней мѣрѣ нѣкоторыя) о бо-

¹⁾ Amor. III, 9, 35—36.

²⁾ Сравн. ст. 2, 35 и 43.

³⁾ III, 3, 1. Сравн. Snipping. ad h. v., также Klotz, Handwörterbuch d. lat. Spr., 1879, s. v. eo, pag. 1399.

⁴⁾ III, 3, 23—26; conf. III, 11, 45—46; I, 8, 85—86.

тахъ признаются Овидіємъ исторически недостоверными, какъ плодъ творческой фантазіи поэтовъ ¹⁾). — взглядъ, который въ читателѣ Овидіевыхъ элегій можетъ вызвать мысль о томъ, не служатъ ли иногда боги для этого поэта одними лишь поэтическими образами и олицетвореніями и нельзя ли въ этомъ отношеніи приравнять ихъ къ Овидіеву Триумфу ²⁾ или къ Элегіи и Трагедіи ³⁾, а обращенія къ нимъ не имѣютъ ли значенія привычныхъ фразъ ⁴⁾?

Впрочемъ, если принять во вниманіе всё сужденія Овидія о богахъ въ разсматриваемыхъ элегіяхъ, то нельзя, кажется, не признать, что поэтъ вообще вѣрилъ въ боговъ. Но его боги суть боги той религіи поэтовъ, къ которой столь неодобрительно относились еще Сцевола и Варронъ, находя въ ней много недостойныхъ вымысловъ о богахъ ⁵⁾. Въ нѣкоторомъ согласіи съ вѣрованіями своего народа признавая, что у cadaго бога есть своя область вѣдѣнія, въ которой онъ является полнымъ господиномъ ⁶⁾, поэтъ затѣмъ представляетъ себѣ жизнь боговъ, начиная съ первыхъ элегій ⁷⁾, въ видѣ недостойномъ божествъ даже съ точки зрѣнія народной религіи. Въ дѣлахъ любви, наприимѣръ, боги суть тѣ же люди ⁸⁾, съ единственной лишь разницей въ могуществомъ и въ средствахъ для его проявленія ⁹⁾. Ихъ, въ томъ числѣ и Юпитера, такъ же, какъ и людей, особенно привлекаетъ при этомъ все трудно достижимое, и приемы ихъ для пріобрѣтенія благосклонности любимыхъ существъ въ сущности не отличаются отъ соответственныхъ приемовъ, употребляемыхъ людьми ¹⁰⁾; любовныя похищенія ихъ также не всегда сходятъ имъ съ рукъ безнаказанно ¹¹⁾. Нравы ихъ отличаются большою свободою ¹²⁾.

¹⁾ III, 12, 41—42, conf. 33—34 и др.

²⁾ II, 12, 16.

³⁾ III, 1, 7 слѣд.

⁴⁾ Срав. II, 19, 18.

⁵⁾ Aug. De civ. D. IV, 27 и VI, 5.

⁶⁾ Amor. I, 1, 5—16.

⁷⁾ III, 10, 20 слѣд.

⁸⁾ I, 2, 35—40 и др.

⁹⁾ I, 13, 45—46; I, 10, 3—4 и сл.

¹⁰⁾ II, 19, 27 сл.; срав. III, 8, 29 сл.

¹¹⁾ I, 9, 39—40.

¹²⁾ I, 13, 36; II, 5, 28; II, 17, 15 сл.

При такомъ представленіи Овидія о богахъ, совершенно понятною является его фамиллярность въ отзывахъ о богахъ и отсутствіе подобающаго почтенія въ обращеніяхъ къ нимъ ¹⁾. Онъ, напримѣръ, какъ бы противопоставляетъ челоуѣка богамъ, которые борются съ людьми, словно съ равными ²⁾. Онъ упоминаетъ о „великихъ богахъ“ даже и тогда, когда говоритъ о совершенно нецензурныхъ вещахъ ³⁾. Онъ иногда гнѣвно говоритъ съ богами, принимая тонъ челоуѣка, недовольнаго ихъ дѣйствіями и подвергающаго ихъ рѣзкой критикѣ ⁴⁾. Онъ кощунствуетъ, когда къ любимой имъ замуженной женщинѣ, съ которой онъ, посредствомъ разныхъ знаковъ, переговаривается за пиршественнымъ столомъ, обращаетъ такого рода просьбу: „коснись рукой стола, какъ дѣлаютъ это молящіеся, если пожелаешь мужу зла, которое онъ заслужилъ“ ⁵⁾, — или когда предполагаетъ, какъ, при возвращеніи Коринны изъ морскаго путешествія, онъ, замѣтивъ съ берега приближающійся корабль, съ восторгомъ воскликнетъ: „онъ (корабль) везетъ моихъ боговъ“ ⁶⁾, — или когда говоритъ своей возлюбленной, что она будетъ для него высшею богинею, чѣмъ сама Венера ⁷⁾, — или когда, вопреки предписаніямъ отечественной религіи, предлагалъ свой, крайне своеобразный и въ нравственномъ отношеніи предосудительный способъ чествованія праздниковъ и жертвоприношенія богамъ ⁸⁾.

Бывали, правда, минуты, когда Овидій казался проникнутымъ теплымъ, искреннимъ и сравнительно чистымъ религіознымъ чувствомъ. Такимъ былъ поэтъ, когда присутствовалъ въ городѣ Фалеріяхъ при одной торжественной процессіи въ честь Юновы и

¹⁾ Срав. III, 2, 55 сл.; II, 5, 51—52; II, 16, 27—28 и ниже-приводимыя цитаты.

²⁾ III, 12, 4.

³⁾ III, 7, 45—46.

⁴⁾ III, 3, 15—20 и др.; срав. I, 7, 6.

⁵⁾ I, 4, 27—28.

⁶⁾ II, 11, 44; conf. I, 7, 32.

⁷⁾ III, 2, 60.

⁸⁾ III, 10, 47—48, cf. v. 1—2 и I, 8, 73—74 и примѣч. Ливдемана. Срав. также I, 11, 25—28 и выше.

когда описывалъ это празднество ¹⁾. „Стоять (здѣсь), писалъ поэтъ, древняя и—вслѣдствіе густоты деревьевъ — темная роща. Посмотришь (на нее) и согласишься ²⁾, что въ этомъ мѣстѣ обитаютъ божество. Молитвы и обѣщанный ладанъ благочестивыхъ людей пріемлетъ алтарь, безыскусственно воздвигнутый руками древнихъ“ и т. д. ³⁾. Нѣкоторая доля религіозности проглядываетъ и въ началѣ описанія древней священной рощи, гдѣ поэтъ бесѣдовалъ съ явившимися ему Элегіей и Трагедіей ⁴⁾, хотя первоначально серьезная и религіозная настроенность поэта на этотъ разъ покинула его раньше, чѣмъ онъ успѣлъ кончить свою элегію ⁵⁾. Нелицемерное, повидимому, и теплое чувство видится далѣе въ молитвенномъ обращеніи поэта къ Изидѣ и другимъ богамъ, когда Овидія постигло горе, тѣмъ болѣе тяжкое, что оно было соединено съ великимъ грѣхомъ его подруги ⁶⁾. Слѣды того же чувства можно, кажется, находить въ нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ поэта, касающихся вѣры въ божественный промыслъ ⁷⁾ благодарственныхъ жертвъ богамъ ⁸⁾, вѣры въ предзнаменованія ⁹⁾ и т. м.

Съ такими же въ сущности воззрѣніями является Овидій въ своихъ *Heroides* или *Heroidum Epistolae*. Правда, этотъ трудъ не даетъ вполне надежнаго матеріала для сужденія о религіозныхъ понятіяхъ самаго Овидія, такъ какъ поэтъ говоритъ здѣсь не отъ своего имени, а отъ имени своихъ героинь. Однако, если Овидій оказался способнымъ войти въ положеніе изображаемыхъ имъ лицъ, понять ихъ внутреннія состоянія и съ увлеченіемъ передать ихъ думы и взгляды, въ томъ числѣ и религіозныя, то это не можетъ не свидѣтельствовать, хотя бы косвенно, о томъ, что и самъ поэтъ не чуждъ былъ тѣхъ же взглядовъ и той же

¹⁾ III, 13, 1 сл.

²⁾ Срав. *Supp.* ad. h. l.

³⁾ III, 13, 7 слѣд.

⁴⁾ III, 1, 1 сл.

⁵⁾ *Ibid.* v. 41 sq.

⁶⁾ II, 13, 7 сл.; II, 14 43—44 и выше.

⁷⁾ II, 11, 29 и 34 слѣд.

⁸⁾ *Ibid.* v. 46.

⁹⁾ I, 12, 1 сл.; III, 12, 1 сл.

настроенности. Онъ не говорилъ бы отъ имени своихъ героинь того, что говорилъ, если бы хотя въ извѣстныхъ минуты не раздѣлялъ ихъ воззрѣній и мнѣній. Атеистъ не въ состояніи написать одушевленнаго гимна божеству даже отъ другого лица, и человѣкъ безнравственный не можетъ съ теплотою передать даже и чужихъ мыслей о нравственныхъ предметахъ: лицемѣріе имѣеть свои границы, и человѣкъ, принимающій на себя личину, рано или поздно выдастъ себя. Въ виду этого позволительно, кажется, допустить, что *Heroides* отчасти показываютъ, какъ смотрѣлъ на боговъ и относился къ нимъ и самъ Овидій.

По Героидамъ, боги ¹⁾ суть владыки человѣческой жизни ²⁾. каратели несправедливости и обмана ³⁾. Приближеніе къ нимъ требуетъ чистоты. „Оставь священныя изображенія боговъ (пенатовъ), которыхъ ты оскверняешь своимъ прикосновеніемъ“ — пишетъ Дидона Энею: „грѣшная рука (приносящая жертву) худо чувствуетъ небожителей“ ⁴⁾. Боги суть покровители чистой любви ⁵⁾, хотя и любовь незаконная иногда находитъ въ нихъ опору для себя ⁶⁾, какъ это и естественно, потому что сами они въ указанномъ отношеніи не безгрѣшны ⁷⁾ и потому что *Аморъ*, подъ властью котораго они также находятся ⁸⁾, не дѣлаеть различія между любовью дозволенной и недозволенной. Боги призываются въ свидѣ-

---

¹⁾ Въ нижеслѣдующемъ изложеніи имѣются въ виду боги въ собственномъ смыслѣ. Но у Овидія въ *Her. Epist.* слова *deus* и *numen* употребляются и въ переносномъ смыслѣ. Въ II, 126 *Филлида*, кажется, придаетъ названіе *deus* царусамъ каждаго судна, на которомъ, по ея предположеніямъ, можетъ воротиться ожидаемый ею влюбленный; въ XIII, 159 *Лаодамія* тѣлу *Протесилая* придаетъ названіе: *mea numina*. Это словоупотребленіе также нѣчто знаменуетъ, какъ и наименованіе «обожаемый», «божество мое» и т. п. о людяхъ въ русскомъ языкѣ.

²⁾ *Heroid. Epist.* I, 101—102; II, 17—18 (впрочемъ, срав. II, 23—24); V, 5; XII, 211.

³⁾ II, 66; VII, 87.

⁴⁾ VII, 129—130 и примѣч. Лёрса.

⁵⁾ I, 23.

⁶⁾ IV, 10—14; XV (*Paridis*), 15 слѣд.; XVII (*Leandri*), 3.

⁷⁾ XV (*Paridis*), 249—250. 289—290; XVI (*Helenaе*), 43—56.

⁸⁾ IV, 12.

тели клятвъ ¹⁾, ихъ именемъ испрашивается желаемое ²⁾, къ нимъ возносятся мольбы объ отклоненіи несчастныхъ предзнаменованій ³⁾.

Такимъ образомъ, религіозныя понятія Овидія въ разсматриваемое время были понятіями человѣка, который о богахъ думалъ мало и притомъ такъ, какъ естественно думать человѣку, едва не всецѣло преданному поэзіи любви. Тѣ же въ сущности понятія сохранилъ Овидій и въ то, нѣсколько болѣе позднее, время своей жизни, когда писалъ свою *Ars amatoria*, *Remedia amoris* и *Medicamina faciei*.

Въ своей *Ars* Овидій не колеблясь признаетъ бытіе боговъ ⁴⁾, хотя и руководится при этомъ странными, съ нашей точки зрѣнія, мотивами. „Полезно“, разсуждаетъ онъ, въ духѣ своихъ согражданъ, „чтобы боги были; по этому станемъ вѣрить въ ихъ существованіе“. Соответственно съ симъ, „пусть приносятся ладанъ и вино на древніе алтари“ въ жертву богамъ ⁵⁾. Поэтъ хочетъ быть даже консерваторомъ въ религіозныхъ дѣлахъ, высказываясь, напримѣръ, противъ философскихъ новшествъ Эпикура. Боговъ, внушаетъ онъ читателю, не объсмлетъ „беззаботный и сну подобный покой“. Въ виду этого „живите безпорочно“, памятуя, что „божество близъ васъ“ ⁶⁾. Овидій не разъ говоритъ о явленіи ему божествъ ⁷⁾ и даже объ ощущеніи имъ божества ⁸⁾. Онъ молить Феба, Бакха и Музъ, божества поэтовъ, о томъ, чтобы его произведенія читались ⁹⁾, признавая близость поэтовъ къ богамъ ¹⁰⁾. Онъ вѣритъ въ возможность для людей умиловить даже разгнѣванныхъ боговъ своими мольбами ¹¹⁾, упоминаетъ о томъ, что

¹⁾ II, 23—24. 32. 39—44; III, 53; VII, 157 сл.; XII, 191 сл.; XV (Par.), 319; XIX (Acontii), 160; XX (Cydippae), 2.

²⁾ XII, 77—82.

³⁾ XIII, 49. Относительно *omen* срав. VII, 65 и VIII, 116.

⁴⁾ Срав. *Amor.* III, 3, 23 слѣд.

⁵⁾ *Ars am.* I, 637—638.

⁶⁾ I, 639—640.

⁷⁾ Напрямѣръ, въ II, 493 сл., III, 43 сл.

⁸⁾ Впрочемъ, въ подобныхъ случаяхъ Овидій, можетъ быть, лишь образно выражался? Срав. III, 547 сл.

⁹⁾ III, 347—348 съ замѣчаніемъ *Snippingii*.

¹⁰⁾ III, 547 слѣд.

¹¹⁾ I, 442.

красота, наприимѣръ, есть даръ божій ¹⁾, говорить о зависимости людей отъ боговъ.

При всемъ томъ религіозность Овидія, на сколько она отразилась въ его *Art*, подлежить большому сомнѣнію, а его взгляды на боговъ вызываютъ много недоумѣній. Поэтъ какъ-то уже слишкомъ не серьезно относится къ предметамъ вѣры. Даже мысли, высказываемыя имъ повидимому серьезно, онъ обставляетъ иногда такимъ контекстомъ, который невольно возбуждаетъ сомнѣніе въ томъ, дѣйствительно ли серьезно высказываются поэтомъ его мысли. Начавъ говорить о какомъ нибудь религіозномъ вопросѣ съ подобающей серьезностью, онъ вдругъ дѣлаетъ замѣчаніе, идущее совершенно въ разрѣзъ съ его прежними мыслями и придающее всему разсужденію совсѣмъ новый характеръ, именно характеръ бесѣды человѣка, у котораго въ сущности нѣтъ никакихъ религіозныхъ убѣжденій, который заботится лишь быть остроумнымъ, веселымъ и занятымъ. Такъ, сказавши, что божество находится близъ насъ и что поэтому людямъ нужно жить нравственно, сдѣлавши затѣмъ нѣсколько очень хорошихъ замѣчаній о томъ, какъ именно нужно жить и поступать, и выразивши мысль, что обмановъ у людей не должно быть и слово свое нужно исполнять честно, поэтъ довольно неожиданно замѣчаетъ, что своихъ возлюбленныхъ обманывать можно и насмѣяться надъ ними разрѣшается безнаказанно, потому что эти особы сами умѣютъ обманывать и такимъ образомъ заслуживаютъ того, чтобы попасть въ сѣти, разставленныя ими для другихъ ²⁾. А нѣсколько раньше, совѣтуя завлечь женщинъ обѣщаніями, Овидій говорилъ: „общай смѣло; обѣщанія завлекаютъ дѣвушекъ; въ свидѣтели обѣщанія бери какихъ угодно боговъ. Юпитеръ съ высоты (неба) (лишь) смѣется клятвопреступленіямъ влюбленныхъ и приказываетъ Эоловымъ вѣтрамъ развѣять эти клятвопреступленія, какъ недѣйствительныя. (Самъ) Юпитеръ имѣлъ обыкновеніе ложно клясться Юнонѣ Стигсомъ; теперь его прихѣръ (намъ) на-руку* ³⁾. Религіозное легкомысліе

¹⁾ III, 103.

²⁾ I, 637—646.

³⁾ I, 631—636.

Овидія усматривается, далѣе, въ томъ, что, совѣтуя подкупать стража возлюбленной, поэтъ, въ качествѣ нѣкотораго побужденія, указываетъ на примѣръ боговъ, которые также принимаютъ дары отъ людей и которыхъ этими дарами также можно расположить къ себѣ. „Вѣрь мнѣ: дары задобряютъ и людей и боговъ: самъ Юпитеръ умилостивляется, когда ему принесены дары“. Тѣмъ легче задобрить стража возлюбленной, котораго можно „купить самымъ маленькимъ подаркомъ“¹⁾). Такое сопоставленіе весьма характерно, наглядно обрисовывая отношеніе поэта къ богамъ и съ совершенной ясностью показывая, до какой степени человѣкоподобны были Овидіевы боги, какъ чужды были они какого бы то ни было величія, какъ мало думалъ Овидій объ ихъ превосходствѣ предъ людьми. Но указаные примѣры—не единственные. Въ Овидіевой *Agis* есть вообще немало мѣстъ, доказывающихъ то отношеніе поэта къ богамъ, которое на нынѣшнемъ языкѣ называется кощунствомъ. Въ этомъ отношеніи особенно важны два стиха, которыми Овидій почти заканчиваетъ свою „Науку любви“. „Вамъ—говорилъ онъ своимъ читательницамъ—ни треножки Феба (т. е. ни Дельфійскій оракулъ), ни рогоносецъ Аммонъ не возвѣстятъ болѣе вѣрнаго, чѣмъ моя муза“²⁾). Нужно взять эти слова въ контекстъ и особенно принять во вниманіе непосредственно предшествующіе стихи, чтобы понять, какъ безразлична была для Овидія профанація религиозныхъ преданій Рима, какъ мало значили для него священныя традиціи, какъ легко относился онъ къ тому, что для другихъ составляло предметъ вѣры. Поистинѣ удивительно, какими цинизмомъ, хотя иногда скрытымъ подъ изящной формой, были проникнуты многіе отзвѣвы и упоминанія поэта о богахъ и ихъ дѣлахъ. Съ этой стороны, кромѣ указанныхъ мѣстъ, имѣетъ значеніе то мѣсто въ *Agis*, гдѣ Овидій авторитетомъ Аполлона, другими словами—божественнаго откровенія, какъ бы прикрываетъ и подкрѣпляетъ правила своей своеобразной науки и свои нецензурные со- вѣты³⁾). Къ той же категоріи, въ виду, между прочимъ, контекста

¹⁾ III, 653—654. 652.

²⁾ III, 789—790.

³⁾ II, 493—508; сравн. послѣдующіе и особенно предшествующіе

и тона рѣчи, позволительно отнести и много другихъ мѣстъ у Овидія, которыя могли, кажется, оскорбить религиозное чувство дѣйствительно набожныхъ людей и изъ римлянъ ¹⁾).

Эти черты возрѣвнѣй Овидія повидимому остались у него, когда отъ *Arg amogis* онъ перешелъ къ *Remedia amogis*: перемѣна сюжета, кажется, не сопровождалась соответствующимъ измѣненіемъ во взглядахъ. Даже и тонъ, еще прежде усвоенный поэтомъ въ сужденіяхъ о религиозныхъ предметахъ, остался въ сущности едвали не тѣмъ же. Овидію приходитъ, напримѣръ, на мысль — оразнообразить форму своей рѣчи введеніемъ діалога, и онъ, не раздумывая много, заставляетъ нужнаго ему бога явиться и говорить то, что угодно поэту ²⁾. Это, конечно, не болѣе, какъ поэтическій приѣмъ, но приѣмъ все же довольно характерный, показывающій въ Овидіѣ человѣка, для котораго боги значатъ крайне мало, который не прочь распорядиться ими почти какъ цѣшками. До какой степени слабо было въ Овидіѣ религиозное чувство и какъ мало вліяло оно на его мысль, это подтверждается также однимъ его обращеніемъ къ божеству тамъ, гдѣ подобное обращеніе по меньшей мѣрѣ неумѣстно ³⁾. Вообще въ религиозномъ отношеніи Овидій подчасъ врядъ ли сильно разнился отъ тѣхъ женщинъ, которыхъ онъ имѣлъ въ виду въ этомъ своемъ произведеніи ⁴⁾.

Въ сохранившемся отрывкѣ дидактическаго стихотворенія *Medicamina faciei*, которое по своей идеѣ находится въ тѣснѣйшей связи съ *Arg* и было составлено или одновременно съ *Arg* или стихи, напр., 461—492. Не лишено значенія и своеобразное истолкованіе смысла изреченія Γωδθ: σελοτόν, начертаннаго въ преддверіи храма Аполлона, въ Дельфахъ, (ст. 500 слѣд.).

¹⁾ I, 713—714, cf. 707—712; II, 561 слѣд., гдѣ рассказывается исторія Марса и Венеры, «навѣстная цѣлому небу»; III, 87—88, въ контекстѣ. Такихъ же мѣстъ, какъ I, 543—548 и 567—568, которыя въ контекстѣ также получаютъ особый характеръ, разсѣяно у Овидія великое множество. Разумѣется, есть у него прямое указаніе и на апопеезу Августа (I, 203—204). — обстоятельство, также не лишнее нѣкотораго значенія для характеристики поэта.

²⁾ *Remed. am.* 549—576. Тотъ же приѣмъ въ ст. 703—706; срав. ст. 75—78.

³⁾ Ст. 439; срав. предш. стихи. Выраженіе въ ст. 158 есть не болѣе, какъ фраза.

⁴⁾ Срав. ст. 678, 687—688 и др.

немного раньше, есть не лишены интереса стихи, свидетельствующие о скептическомъ и даже отрицательномъ отношеніи поэта къ колдовству и чарамъ ¹⁾).

Разсмотрѣнные взгляды Овидія на боговъ, ихъ отношенія между собою и къ людямъ и обязанности людей къ богамъ до нѣкоторой степени опредѣляютъ и взгляды поэта на взаимныя отношенія людей, давая вмѣстѣ съ тѣмъ одну изъ руководящихъ нитей для уразумѣнія Овидіевой морали, по крайней мѣрѣ въ существенныхъ ея сторонахъ, въ молодые годы его жизни.

Въ *Amores* Овидій представляетъ и почти прямо называетъ себя пѣвцомъ нѣжной любви ²⁾, вмѣстѣ съ тѣмъ энергически защищая такое свое призваніе ³⁾. Въ молодые годы поэта, по его собственнымъ словамъ, единственною силою, могшею вывести его изъ состоянія вялости и покоя, была любовь, которая господствовала надъ всѣми другими жизненными интересами его ⁴⁾ и знамени которой онъ никогда не повидалъ ⁵⁾. Эта любовь была сначала любовью едвали не исключительно чувственною, и картины ея, которыми упивался поэтъ, были картинами болѣе чѣмъ нескромными ⁶⁾. Овидій желалъ бы всю свою жизнь, буквально до самой смерти, посвятить любви ⁷⁾; онъ не знаетъ большаго зла, какъ жизнь безъ подруги ⁸⁾, и т. д., и всѣ такого рода мысли выражаетъ обыкновенно въ болѣе или менѣе циничной формѣ. Почти нѣтъ элегій въ разсматриваемомъ сборникѣ, въ которыхъ бы не было нескромныхъ мыслей, сентенцій и образовъ, или нецензурныхъ выраженій; нѣкоторыя же изъ элегій въ цѣломъ своемъ видѣ суть не иное что, какъ сплошная порнографія ⁹⁾. Самъ Овидій, впрочемъ,

¹⁾ *De medic. f.*, 35 sqq. Въ другомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія ст. 83—84.

²⁾ III, 1; III, 15; срав. II, 1 и *Trist.* IV, 10, 1.

³⁾ I, 15.

⁴⁾ I, 9, 41 слѣд.

⁵⁾ II, 9, 3 и 11, также 25—26.

⁶⁾ III, 11, 38 слѣд.; I, 5 и мн. др.

⁷⁾ Срав., напримѣръ, II, 10, 29—30 и 38.

⁸⁾ II, 10, 16 слѣд.

⁹⁾ Образцомъ можетъ служить III, 7.

ни мало не смущался подобнымъ характеромъ своихъ элегій. Онъ даже думалъ, что именно эти его стихотворныя произведенія дадутъ ему литературное безсмертіе ¹⁾, какъ они же могутъ дать своего рода извѣстность, притомъ громкую, его возлюбленнымъ ²⁾.

При такихъ взглядахъ Овидія на содержаніе и смыслъ своей жизни неудивительно встрѣтить въ его *Amores* весьма своеобразныя нравственныя сужденія. Овидій считаетъ вопіющимъ преступленіемъ и неповзволительнымъ нарушеніемъ нравственныхъ обязанностей всякую помѣху своимъ нескромнымъ желаніямъ ³⁾, видимо не признаетъ зазорнымъ учить своихъ читательницъ искусству лицемерія и обмана и почти явному разврату ⁴⁾, чистоту жизни даже въ священные дни находитъ излишнею и бесполезною ⁵⁾ и т. под.

Справедливость требуетъ однако сказать, что въ Овидіевыхъ элегіяхъ есть и хорошія мысли, хотя онѣ высказываются иногда съ побочной цѣлью—оправдать какой нибудь болѣе или менѣе ничиный планъ. Овидій однажды выразилъ, напримѣръ, весьма здравый взглядъ на то, когда женщина бываетъ дѣйствительно цѣломудренна и чиста. По его мнѣнію, приставленный къ женщинѣ сторожъ не обезпечиваетъ ея цѣломудрія, и сберечь себя можетъ только она сама; дѣйствительно цѣломудренна лишь та женщина, которая остается чистою и тогда, когда ей нечего и некого бояться; та же, которая не грѣшитъ только потому, что это не дозволяется ей, на самомъ дѣлѣ грѣшитъ. Пусть тѣло ея хорошо охраняется; но за то она прелюбодѣйствуетъ въ душѣ; пусть всѣ двери въ домѣ заперты; но прелюбодѣй все-таки въ домѣ ⁶⁾. Далѣе, Овидій возставалъ противъ практиковавшагося нѣкоторыми римлянами дѣтубійства еще прежде появленія дитяти на свѣтъ ⁷⁾, вооружался противъ продажной любви, какъ и вообще противъ продажности, въ чемъ бы

¹⁾ III, 15; I, 15.

²⁾ II, 17, 28—29.

³⁾ I, 6, 21—24.

⁴⁾ I, 4 и др.

⁵⁾ III, 9, 34.

⁶⁾ III, 4, 1—8.

⁷⁾ II, 13; II, 14.

она ни выражалась ¹⁾. Когда поэт обращается къ самому себѣ и анализируетъ свою собственную природу, онъ является человѣкомъ, которой еще не утратилъ способности критически относиться къ себѣ. Пусть его самообличенія въ нетвердости воли, упреки себѣ въ томъ, что онъ не можетъ не желать того, что самъ же ненавидитъ ²⁾, не были серьезны въ тотъ разъ, когда онъ высказывалъ ихъ ³⁾; но самый фактъ такого анализа у Овидія не лишенъ значенія, особенно если при этомъ будетъ принята въ соображеніе доза пессимизма, наблюдаемая у Овидія ⁴⁾. Затѣмъ, при всей нескромности своей поэзии и при всей своей слабости къ ней, Овидій еще не освободился отъ чувства стыда и совѣстливости; нѣкоторое сознаніе стыда повидимому есть у него даже въ минуты крайняго увлеченія и почти полнаго ослѣвленія страстью ⁵⁾.

Прекрасныя съ нравственной точки зрѣнія сужденія и рядомъ съ этимъ циничныя мысли, чистые образы и вмѣстѣ съ ними грязныя картины имѣются и въ такъ называемыхъ „Письмахъ Героинь“; однако, и здѣсь преобладающими являются мысли и образы нескромнаго свойства. Воображеніе поэта почти всецѣло проникнуто любовными картинками, которыя и тянутся почти непрерывной чередой. Всѣ почти мысли и образы поэта, брать ли ихъ въ отдѣльности или въ соединеніяхъ, имѣютъ общій характеръ: они суть мысли и образы человѣка, который даетъ полный просторъ своему творчеству и не хочетъ стѣсняться принятой моралью, требованіями приличія и т. под. вещами. Овидій вполне входитъ въ положеніе своихъ героинь и героевъ и, какъ бы самъ переживая ихъ состоянія, пишетъ такъ и о томъ, какъ и о чемъ могли бы писать сами эти герои и героини. Подобная способность поэта также можетъ быть не лишена своего значенія для характеристики нравственной личности Овидія. Само собою понятно, что многія мысли

¹⁾ I, 10, 11 слѣд.; срав. ст. 37 сл.

²⁾ II, 4, 1—5.

³⁾ Срав. Snipping. и Lind. къ указ. ст.

⁴⁾ Срав., напр., II, 4, 15—16. Овидіевы отзывы о женщинахъ иногда немногимъ различаются отъ взгляда, который приписанъ сводя въ I, 8, 43 слѣд.

⁵⁾ Срав. I, 2, 31—32; I, 3, 13 слѣд.; I, 6, 60.

и выраженія героинь и героев Овидія идутъ въ совершеннѣйшій разрѣзъ съ требованіями даже античной морали. Федра у Овидія, въ письмѣ къ своему пасынку Ипполиту, стараясь побѣдить смущенію послѣдняго, проводила мысль, что названія „пасынокъ“ и „мачиха“ — пустой звукъ, и что въ извѣстныхъ дѣлахъ нельзя держаться устарѣлыхъ понятій, которыя господствовали въ некультурное царствованіе Сатурна и которыя исчезнуть въ послѣдствіи ¹⁾. Герои и героини Овидія любятъ высказывать сентенціи нецензурнаго свойства ²⁾. Впрочемъ, въ числѣ Овидіевыхъ героинь есть также представительницы добрыхъ свойствъ человѣческой природы и носительницы нравственныхъ идей.

Есть хорошія мысли и въ *Medic. faciei*. Поэтъ, кажется, слегка подсмѣивается здѣсь надъ страстью къ щегольству, объявшею римлянокъ его времени, хотя и не считаетъ непригожею для нихъ заботу о нарядахъ и убранствѣ, особенно въ виду слабости къ убранству въ женскомъ вкусѣ, охватившей ихъ супруговъ, надъ которыми онъ уже довольно явно иронизируетъ ³⁾. Но не возражая сильно противъ внѣшняго убранства, Овидій вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтуетъ своимъ читательницамъ больше всего заботиться о своихъ душевныхъ достоинствахъ. „Первой заботой у васъ пусть будетъ забота о нравахъ: когда душа привлекательна, тогда и лицо нравится. Любовь къ нравамъ надежна; красоту же похититъ время, и милое нѣкогда лицо избородятъ морщины. Наступитъ время, когда вамъ не захочется и въ зеркало смотрѣться; придетъ скорбь, которая прибавитъ морщинъ. Душевная краса, не умаляясь, пребываетъ во всю долгую человѣческую жизнь“ ⁴⁾.

Въ *Agis* находимъ смѣсь совѣтовъ серьезныхъ съ легкомысленными, разсужденій и образовъ безукоризненныхъ въ нравственномъ отношеніи съ соображеніями и картинами цивичными. Въ одноѣ мѣстѣ Овидій

¹⁾ *Heroid.* IV, 129—132.

²⁾ Напримѣръ: XIII, 105—106; XVI (*Hel.*), 187. Нѣсколько иного рода сентенція въ XV (*Par.*), 288 (*lis est cum forma magna pudicitiae*); срав. *Snipp.* къ этому стиху.

³⁾ *Medic.*, 1—32.

⁴⁾ Ст. 43—49.

говорить: „Живите непорочно, (ибо) божество близъ васъ. Возвращайте довѣренное вамъ; вѣрно соблюдайте договоры; обмана да не будутъ; руки ваши пусть будутъ чисты отъ убійства“ ¹⁾. Онъ внушаетъ также вѣрно держать свое слово, впрочемъ съ однимъ исключеніемъ ²⁾. Однако, контекстъ, въ которомъ находятся эти мысли, оговорки поэта, въ родѣ только — что указанной, и тонъ, въ которомъ ведетъ Овидій свою рѣчь и въ какомъ преподаетъ онъ свою оригинальную науку, показываютъ, что строго нравственныя мысли приходили въ голову поэта случайно и выражались имъ мимоходомъ. Его морализированье въ *Агс* такое же панусское, какъ и важность, солидность дидактика, съ которою онъ изрекаетъ свои совѣты ³⁾: онъ самъ же выдаетъ себя послѣдующими замѣчаніями, показывающими въ немъ просто шаловливаго (чтобы не сказать больше) поэта любви ⁴⁾. Серьезной ноты, пожалуй, и не могло проходить въ этомъ произведеніи, вслѣдствіе самой задачи автора ⁵⁾.

Поставивъ себѣ цѣлю научить читателей и читательницъ искусству пріобрѣтать и удерживать за собою привязанность любимыхъ особъ, Овидій имѣетъ предъ собою одну эту цѣль и потому нисколько не стѣсняется давать даже и такіе совѣты и выражать такіа сужденія, которыя съ нравственной точки зрѣнія въ высшей степени предосудительны, а для читателей крайне вредны. Онъ учитъ хитрить и лицемерить тамъ, гдѣ это выгодно ⁶⁾, вноситъ такимъ образомъ еще болѣе фальши въ жизнь и отношенія римлянъ тогдашнихъ, и безъ того страдавшія отсутствіемъ простоты ⁷⁾; онъ снисходительно судитъ о прелюбодѣяніи и даже оправдываетъ его ⁸⁾; съ беззащитчивостью человѣка, который прекрасно знаетъ

¹⁾ *Агс*, I, 640—642.

²⁾ Ст. 643—646; срав. 631—636.

³⁾ II, 535 слѣд.

⁴⁾ Шаловливый тонъ, переходящій иногда прямо въ циничный, есть постоянное свойство Овидіевой мумы. Срав. I, 131—132 и безчисленное множество другихъ примѣровъ.

⁵⁾ Срав. I, 265—266; II, 11—18; III, 1 слѣд.

⁶⁾ II, 311—312. 389—390 и мн. др.

⁷⁾ Срав. I, 241—242.

⁸⁾ II, 365—369. Для уясненія Овидіевыхъ воззрѣній на бракъ въ одну изъ періодовъ жизни поэта имѣетъ вѣкоторую цѣну замѣчаніе въ II, 155 (*dos est uxorіа lites*).

вкусъ современнаго ему общества, отлично понимаетъ натуру людей, особенно женщинъ, и при этомъ не хочетъ и не умѣетъ подвергать свои слова цензурѣ, Овидій испещряетъ свою рѣчь сентенціями весьма сомнительнаго и даже грязнаго свойства ¹⁾, долженствовавшими между прочимъ служить вѣрнымъ — по его мысли — руководствомъ для молодыхъ людей въ ихъ домогательствахъ. Онъ неоднократно совѣтуетъ не скупиться на обѣщанія, потому что обѣщаніями каждый можетъ быть богатъ ²⁾ и не стѣсняться ихъ исполненіемъ ³⁾. Вообще своей Ars онъ развращаетъ и учитъ развращать другихъ. Правда, Овидій и прямо утверждаетъ и иногда косвенно даетъ понять, что въ своей Ars онъ имѣлъ въ виду исключительно женщинъ вольныхъ нравовъ, а не честныхъ женщинъ ⁴⁾. Но, если и согласиться съ такимъ увѣреніемъ поэта, то обвиненія его въ развращеніи современниковъ остается все-таки почти въ полной силѣ ⁵⁾. Онъ еще больше развращалъ женщинъ, разъ свернувшихъ съ прямого пути и вступившихъ на скользкій путь свободной любви, особенно если это были не въ копецъ испорченныя женщины ⁶⁾; онъ развращалъ честныхъ римлянокъ, которымъ могла попасть на глаза его Ars ⁷⁾, указывая мѣста, гдѣ возможны любовныя встрѣчи, въ родѣ амфитеатра, нѣкоторыхъ храмовъ и т. д. ⁸⁾, будя въ нихъ чувственность, рекомендуя читать эротическихъ поэтовъ ⁹⁾ и проч.; онъ развращалъ римскихъ мужей и юношей, рисуя перспективы, соотвѣт-

¹⁾ I, 271 слѣд., 341 сл., 673 сл., 705 сл., 720 и мн. др.

²⁾ I, 443 слѣд.

³⁾ I, 631 сл.

⁴⁾ I, 31—34; II, 153—156; II, 559—600; Remed. 386; Trist. II, 249 слѣд.; ex P. III, 3, 50 слѣд. Послѣднія свидѣтельства, конечно, не вѣски, въ виду обстоятельствъ, при которыхъ они появились.

⁵⁾ Срав. взглядъ Лессинга, приведенный въ предисловіи къ изд. *Artis* у Линдемманна, своеобразное мнѣніе Линдемманна (тамъ же) и сужденіе Гаупта во введ. къ его изд. *Метам.*, стр. 3.

⁶⁾ Срав. Линдем. къ *Amor.* I, 8, 19.

⁷⁾ На это, какъ видно изъ *Tristia*, указывалось и самому Овидію, и онъ не умѣлъ убѣдительно опровергнуть обвиненіе.

⁸⁾ I, 100 слѣд. и выше, 75 сл.

⁹⁾ III, 331 сл.; срав. Remed., 757 сл.

ственно со вкусами каждого ¹⁾), возбуждая ихъ воображеніе картинами утонченнаго распутства, указывая пути свободной любви, приучая ихъ цинично относиться къ женщинамъ и легко смотрѣть не только на связи съ либертинами и ихъ доверенной прислугой, но и на брачныя узы ²⁾; онъ развращалъ вообще римское общество ³⁾, внося въ его литературу свое порнографическое произведеніе и совершая нѣчто подобное тому, что сдѣлалъ Зола изданіемъ своей „Нана“ или что дѣлаютъ живописцы и фотографы, пуская въ обращеніе картины и картинки съ грязными сюжетами. Въ добавокъ ко всему, Овидій, поступая такъ, не сознавалъ и упустилъ изъ вида весь объемъ вреда, который онъ могъ причинить, почему и въ своихъ оправданіяхъ касался далеко не всѣхъ тѣхъ обвиненій, которыя можно предъявить и которыя отчасти даже представлялись къ нему. Въ ближайшее послѣ изданія *Artis* время онъ видѣлъ лишь успѣхъ своего произведенія ⁴⁾ и, упоенный славой, въ сознаніи своего (несомнѣнно большаго) дарованія, объяснялъ исключительно завистью нападенія на него критики. Онъ не задавалъ себѣ вопроса, нѣтъ ли въ самомъ дѣлѣ серьезнаго основанія у его противниковъ для обвиненій въ чрезмѣрной нескромности его музы. Сознаніе всего вреда, который онъ могъ причинить, повидимому, не явилось у Овидія даже и позднѣе. Тѣмъ менѣе было оно возможно теперь, при томъ направленіи, которое приняла его мысль, при томъ крайне легкомъ отношеніи даже къ важнѣйшимъ вопросамъ жизни, которое наблюдается у Овидія въ его доселѣшнихъ произведеніяхъ, и въ частности въ *Arg.*

Та же легкость мысли въ сужденіяхъ о нравственныхъ предметахъ замѣчается въ послѣднемъ произведеніи Овидія за раз-

¹⁾ I, 57 слѣд.

²⁾ Въ подтвержденіе послѣдняго замѣчанія можно указать на II, 365—369. Сравн. Lind. къ I, 101. Овидій повидимому не отвергалъ и недерастіа,—срав. II, 684.

³⁾ Срав. Remed. 363.

⁴⁾ Срав. Remed. 361—307. Выраженіе *purus* въ ст. 361 и то обстоятельство, что Remedіа были изданы непосредственно послѣ *Arg.* (случая приблизительно года два), позволяютъ думать, что критика, о которой идетъ рѣчь въ указ. стихахъ, была вызвана, по крайней мѣрѣ, ближайшимъ образомъ, именно Овидіевой *Arg.*

смагиваемый періодъ, въ *Remedia amoris*. Это произведеніе было назначено для лицъ, которымъ любовь служила лишь источникомъ мученій и которыхъ поэтъ предположилъ освободить отъ ихъ кручины посредствомъ своихъ наставленій и путемъ указываемыхъ имъ средствъ ¹⁾. Но, читая это произведеніе, видишь, что его писалъ человѣкъ, который не возвышается до мысли о чисто-нравственныхъ средствахъ борьбы со страстью и который вредную для благополучія людей страсть хочетъ изгнать развратомъ ²⁾, чувственными мотивами ³⁾, возбужденіемъ наиболѣе низкихъ страстей духовной природы человѣка ⁴⁾. И при этомъ Овидій остается вѣрнень своей натурѣ: даже и тогда, когда онъ указываетъ средства противъ несчастной любви, онъ самъ услаждается картинами чувственной любви, которыя эпизодически вноситъ, и такимъ образомъ, вмѣсто борьбы съ страстью, самъ же разжигаетъ ее. Овидій съ видимымъ услажденіемъ говоритъ о непристойнѣйшихъ вещахъ, хотя при этомъ и надѣваетъ личину стыдливости ⁵⁾.

Изъ сказаннаго видно, что этотъ поэтъ любви по своимъ религіознымъ и нравственнымъ понятіямъ въ молодости былъ истиннымъ представителемъ своего легкомысленнаго вѣка. Онъ доступенъ добрымъ чувствамъ, по временамъ высказываетъ безукоризненныя съ религіозно-нравственной точки зрѣнія сужденія; но, въ цѣломъ взятое, его міровоззрѣніе въ этотъ періодъ жизни есть міровоззрѣніе человѣка, который не возвышается до духовныхъ представленій о божествѣ, на все смотритъ глазами эпикурейца и о всемъ судитъ такъ, какъ можетъ судить человѣкъ, поставившій цѣлью своей жизни одно наслажденіе жизнью.

Александръ Садовъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Rem. 1 слѣд.

²⁾ Срав. ст. 399 слѣд., 441, 537 и др.

³⁾ Ст. 317 слѣд.

⁴⁾ Ст. 299 слѣд.

⁵⁾ Оговорки Овидія, въ родѣ находящейся въ ст. 407 («и стыдно. да сважу»), суть фразы, которыя никого не могутъ ввести въ заблужденіе относительно ихъ подлиннаго смысла.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки